

О. Н. Арестова

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОЛИ МОТИВАЦИИ В МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье описывается цикл исследований, проведенных в школе О.К. Тихомирова и посвященных структурирующему влиянию мотивации на мыслительную деятельность. Показано, что структурирующая функция мотивации влияет на многочисленные параметры мышления: стратегию целеполагания, устойчивость и разработанность перспективного целеполагания, особенности эмоциональной регуляции, соотношение конкретных и обобщенных компонентов решения задачи, степень эгоцентричности. Характерные для субъекта мотивационные конфликты могут приводить к изменению функциональной направленности мыслительной деятельности от собственно познавательной функции к функции понятийного оформления возникающих в ходе разрешения мотивационного конфликта личности смысловых образований.

Ключевые слова: структурирующая функция мотивации, мотивационный конфликт, избирательное искажение познавательных процессов, понятийное оформление.

Смысловая теория мышления (СТМ) О.К. Тихомирова (1969) положила начало целому циклу теоретических и экспериментальных работ, соотносящих личностные и собственно мыслительные, интеллектуальные процессы. Базируясь на деятельностном подходе А.Н. Леонтьева, эта теория особо подчеркивает неразрывную связь мышления с процессами жизнедеятельности, «встроенность» мысли в жизнь конкретного субъекта.

Представление О.К. Тихомирова о целостном характере деятельности субъекта, взаимосвязанности различных по природе и функциям психических процессов с неизбежностью приводит к необходимости выявления места и функции собственно мышления в общем потоке жизнедеятельности человека. Характерные для СТМ подходы направлены на преодоление раздельного анализа факторов субъективной (мотивация личности) и объективной (собственно условия задачи) детерминации мыслительной деятельности. Отметим, что активно ведущиеся и продуктивные исследования в этом направлении все еще не дают полного ответа на вопрос

о соотношении этих детерминант мышления. Главным образом подчеркивается детерминирующее влияние мотивации на процессуальные и целевые аспекты мышления, тогда как личностно-смысловые относительно мало исследованы. Данная работа посвящена анализу состояния и перспектив исследований, направленных на изучение структурных и функциональных взаимосвязей мотивационных и собственно мыслительных компонентов деятельности субъекта.

Современная психология мышления выделяет две функции мыслительной деятельности — познавательную (более традиционную) и регуляторную, планирующую (менее исследованную). По мнению составителей одной из первых хрестоматий по психологии мышления, вопрос: «Как мы мыслим?» — следует понимать так: «как мы “видим”, представляем и понимаем окружающий нас мир и себя в нем и как используем эти знания для управления своим поведением» (Гиппенрейтер, Петухов, 1981, с. 5). Эта идея заставляет рассматривать функциональные отношения мысли и мотива как взаимосвязь, взаимное влияние. Анализ результатов проведенных исследований также показывает, что изучение взаимосвязи мотивации и мышления в контексте СТМ развивается по сценарию хотя и ассиметричного по интенсивности, но все же «встречного движения».

Традиционно наиболее активно ведется исследование **функций мотивации в мыслительной деятельности**. Помимо анализируемых в различных аспектах побудительной (стимулирующей) и смыслообразующей функций мотивации (Леонтьев, 1964, 1971), экспериментально обосновывается особая по отношению к мыслительной деятельности структурирующая функция мотивации (Богданова, 1978; Телегина, Богданова, 1980; Тихомиров, 1984). Она проявляется в изменении самого строения мыслительной деятельности, в придании ей уникального структурного своеобразия.

Начальный этап изучения структурирующей функции мотивации в рамках СТМ отражен в классических исследованиях целеположения (Богданова, 1978; Телегина, Волкова, 1977; Тихомиров, 1984). Эти работы, ставшие хрестоматийными, были посвящены воздействию мотивации на ход и результат мыслительной деятельности. Подчеркивая их бесспорную значимость, отметим, что они сделали очевидной методологическую и методическую сложность исследований в этом направлении. В этих работах были сформулированы следующие методические положения: 1) мотивация субъекта может быть модифицирована или создана экспериментально путем варьирования инструкции испытуемому; 2) экспериментальная интенсификация мотивации (создание или провока-

ция мотивации самоутверждения, творчества, экспертизы и т.д.) положительно влияет как на ход мыслительного процесса, так и на его результат которые с трудом соотносились с данными, полученными в других психологических школах.

Эти положения вошли в противоречие с двумя теоретическими постулатами психологии мышления, частично подтвержденными экспериментально и эмпирически. Первый из них — постулат о делении мыслительной мотивации субъекта на внутреннюю/внешнюю и ситуативную/устойчивую — имеет два следствия: 1) представление о предпочтительности и необходимости внутренней мотивации для решения задач (Богоявленская, 1981); 2) представление о ситуативной мотивации как об актуальном выражении устойчивых глобальных мотивационных образований. Сопоставление этих положений ставит под сомнение возможность возникновения у субъекта мотивов определенного типа (например, творческого мотива) на основании одной только экспериментальной инструкции. Такая инструкция эффективна лишь тогда, когда она соответствует устойчивой мотивационной системе испытуемого, т.е. адресуется к имеющимся мотивационным тенденциям и только увеличивает вероятность их актуализации в экспериментальной ситуации.

Вторым противостоящим постулатом является старинное, но интуитивно и житейски актуальное положение о существовании оптимальной для выполняемой деятельности степени выраженности мотивации субъекта, превышение которой не только не повышает продуктивность, но даже и деструктурирует деятельность (Хекхаузен, 1986; Экспериментальная психология, 1975). Этому положению противоречит сложившийся в отечественной психологии мотивации мышления принцип «чем больше, тем лучше», в скрытой форме присутствующий в большинстве экспериментальных исследований.

Первые же исследования структурирующей функции мотивации сделали очевидной теоретическую и экспериментальную актуальность изучения не только ситуативно-экспериментальных, но и глубинных, устойчивых мотивационно-личностных процессов. Эта актуальность определяется традиционным со времен У. Джемса и до сих пор не преодоленным противопоставлением мышления в узком и широком смысле слова. В узком смысле слова мышление понимается как процесс решения задач, а в более широком — как способность субъекта ориентироваться в новых данных опыта, связанная с его деятельностью и «личным интересом» (Джемс, 1902).

Большинство классических и современных экспериментальных исследований все же выполнялось в пласте «узкого» понима-

ния мышления как процесса решения конкретных мыслительных задач. Методично реализуя этот подход, исследователи сознательно и подчеркнуто ограничивали сферу своих экспериментальных и теоретических интересов изучением так называемых интеллектуальных эмоций, соответствующих собственно мыслительно-деятельностным мотивам (Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980). Значение глубинной, личностной по своему уровню мотивации при этом лишь постулировалось, однако задача изучения форм и конкретно-психологических механизмов проявления личностного уровня мотивации в мыслительной деятельности субъекта на этом этапе исследований специально не ставилась. Был проведен ряд исследований конкретно-психологических механизмов мотивационного влияния на основные компоненты мыслительной деятельности. Так, в работах И.А. Васильева (Васильев, 1998; Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980) и О.С. Копиной (1982) показана взаимосвязь содержания мотивов с характером эмоциональной регуляции мышления. Влияние мотива на мыслительную деятельность осуществляется через интеллектуальные эмоции, благодаря которым отдельные мыслительные акты интегрируются в целостную мыслительную деятельность (Тихомиров и др., 1999).

Наиболее детально структурирующая функция мотива изучалась на примере анализа процессов целеполагания субъекта. Как показали экспериментальные исследования (Гурьева, 1973; Телегина, Богданова, 1980; Тихомиров, 2005), специфика мотивации определяет особенности целей субъекта, их последовательность и содержательные характеристики. Анализ целеобразования как функции мотивации показывает существенное влияние мотивов на процесс отбора, оценки и продуцирования целей субъектом (Арестова, Бабанин, Войскунский, 1995; Арестова, Бабанин, Тихомиров, 1988; Психологические..., 1977; Тихомиров, 1984). Производилось сопоставление целевых структур в условиях различной мотивации деятельности (экспериментально менялись содержательные характеристики мотивации и сила мотива). Преобразование целевой структуры при варьировании мотивации происходило различными способами: путем включения в нее новых элементов, изменения содержания конечных и промежуточных целей, трансформации иерархических отношений в целевой структуре (Тихомиров и др., 1999). Было показано, что состав действий и операций, из которых складывается мыслительный процесс, а также их развитие и динамика в значительной степени определяются характеристиками мотивов, регулирующих этот процесс (Телегина, Богданова, 1980).

Особый класс исследований структурирующего влияния мотивации мыслительной деятельности на процессы целеполагания представляет изучение этого процесса с помощью анализа притязаний (Арестова, Бабанин, Тихомиров, 1988; Арестова, Бабанин, Войскунский, 1995). Было показано, что специфические особенности мотивации формируют особые паттерны целеполагания. Такие паттерны были выделены для познавательной мотивации, мотивации достижения, мотивации самореализации, нормативно-ролевой мотивации и мотивации избегания неуспеха.

Проведенные исследования сделали еще более очевидной необходимость перехода от исследования собственно мыслительных мотивов к вопросу о соотношении мышления и целостных мотивационных систем личности. Оказалось, что наиболее интересные феномены возникают при соприкосновении двух структурно не совпадающих «пластов» мышления — «конкретно-задачного» и более широкого «жизненно-смыслового». Неслучайно классические подходы в психологии мышления (Блейлер, 2005; Майер 1981; Пиаже, 1994) описывали преимущественно личностно детерминированные формы мышления (аутистическое, эмоциональное, эгоцентрическое) как особые, качественно отличные его виды. При этом вопрос о природе различий между объективно и субъективно детерминированными видами мышления решался по-разному, с учетом генетических факторов, стадильности, соотношения нормы и патологии, нарушения мышления вследствие чрезмерной силы эмоции (аффекта).

Детерминированность мысли объективными свойствами реальности, с одной стороны, и мотивационными процессами субъекта — с другой, рассматривалась скорее как противоположная по влиянию на мышление. Представление о синергичном совмещении объективных и субъективных детерминант в регуляции конкретного мыслительного акта стало характерным именно для СТМ, трактующей соотношение объективных и субъективных детерминант мыслительной деятельности как актуальное для данной задачи соотношение значения и смысла. В динамике этих образований, реализуемой деятельностью, находят свое воплощение и объективность мысли, и ее принадлежность конкретному субъекту, обремененному иными, помимо познавательных, потребностями и мотивами. Точка фиксации, «прописка» любой мыслительной задачи на шкале объективности/субъективности определяется целым рядом актуальных психологических особенностей мыслящего субъекта, в том числе (а возможно, и прежде всего) местом мыслительной задачи в мотивационной картине деятельности в конкретный момент этой деятельности.

Дифференциация и одновременно функциональное единство объективных и субъективных детерминант мыслительной деятельности реализовано в целом ряде психологических подходов теоретического и эмпирического плана. К числу таковых относятся принцип единства аффекта и интеллекта (Выготский, 1982), психологическая структура проблемной ситуации (Матюшкин, 1972), различие объективной и субъективной структуры задачи (Тихомиров, 1969). Эти работы позволяют предполагать существование иных, принципиально не совпадающих с собственно познавательной функций, выполняемых мыслительной деятельностью в жизни субъекта.

Мышление субъекта помимо традиционно понимаемой задачи познания объективных свойств мира и самого человека предположительно имеет и иную, не менее важную функцию, связанную с существованием и динамикой внутреннего мира субъекта, развитием и активностью его мотивационных систем, возникновением и разрешением мотивационно-личностных конфликтов. Мышление человека, помимо познавательной функции, имеет и особую, лично ориентированную функцию подтверждения самого факта существования психического мира мыслящего субъекта, его значимости, целостности и самостоятельной ценности. Существование и значение такой функции в мышлении выявлялось и в классических работах. В работе Э. Блейлера (2005) описана тенденция аффекта к сохранению, прокладывающая путь для соответствующих ему логических представлений и подавляющая противоречащие идеи. По мнению Блейлера, аутистическое (подчиненное исключительно мотивации) мышление подчиняется фрейдовскому принципу удовольствия, изгоняя неприятные переживания и представления и преувеличивая приятные. Г. Майер (1981) также делил мышление на два вида — судящее и эмоциональное. Последнее подчинено потребностям и мотивам аффективного и волевого содержания. Майер придавал исключительно большое значение эмоциональному мышлению, полагая роль познавательного интереса в мышлении «интеллектуалистическим предрассудком».

Обращаясь к современным подходам, можно отметить некоторое снижение напряженности противоречия между двумя детерминантами мыслительного процесса — объективно-познавательной и лично-мотивационной. В частности, для представителей теории когнитивного диссонанса (Хекхаузен, 1986) очевидной является идея мотивирующего влияния логического противоречия на процессы решения мыслительных задач. С этой точки зрения решение мыслительных задач имеет в качестве одной из детерминант стремление

к сохранению целостности и непротиворечивости логических структур, систем знаний. Это стремление столь существенно влияет на мышление, что может искажать «объективную логику», адекватность мысли объективным условиям реальности.

Выделение О.К. Тихомировым особой структурирующей функции мотива и дальнейшая конкретизация представлений о ней в экспериментальных исследованиях послужили основой для проведения продуктивного цикла экспериментальных исследований, раскрывших психологические механизмы структурирующего влияния мотивации на различные аспекты мышления (Арестова, 1998, 1999, 2002, 2006а, б, 2007; Богданова, 1978; Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980; Гурьева, 1973; Телегина, Богданова, 1980). Результаты теоретических и экспериментальных исследований позволили поставить проблему взаимосвязи побуждающей, смыслообразующей и структурирующей функций мотивов в процессе мыслительной деятельности.

Мотив при этом становится системообразующим фактором деятельности в ее отношении к сознанию, личности и миру. Структурирующая функция мотивации образует уникальность конкретной формы существования деятельности, определяя ее индивидуальное своеобразие. Она обеспечивает также интегрированную презентацию компонентов деятельности сознанию ее носителя. Такая презентация осуществляется через системы функционирующих в деятельности смыслов и соотнобразится с формами ее «объективной заданности» реальностью — системой условий и внесубъектных требований к ее выполнению (Тихомиров и др., 1999).

Описанные подходы подчеркивают значимость личностной мотивации в протекании мыслительного процесса, однако задача исследования форм проявления мотивации в структурных и динамических особенностях мышления все еще далека от своего решения. Остается открытым вопрос о природе конструктивного и деструктивного влияния мотивации на мыслительные процессы. Идея о возможности деструктивного влияния мотивации на познавательные процессы неоднократно высказывалась различными исследователями. Мнения при этом разнились от явного и принципиального противопоставления аффективных и интеллектуальных процессов (Блейлер, 2005; Рибо, 1901) до признания функционального единства и неразрывности этих составляющих мыслительного процесса (Васильев, 1998; Выготский, 1982; Рубинштейн, 1958; Тихомиров, 1969).

Мотивация признается сложным структурирующим фактором, способным как позитивно, так и негативно повлиять на эффективность решения (Арестова, 2002; Березанская, 1987). Это негатив-

ное влияние часто объясняется в психоаналитическом ключе путем привлечения представлений о защитных механизмах. Согласно этим представлениям (Арестова, Глухарева, 1996; Арестова, Калинина, 2000; Березанская 1987), подкрепленным экспериментальными данными, мотивация оказывает на мышление неоднозначное воздействие, выражающееся в труднопреодолимом разрыве между целевой («задачной») направленностью мышления и его субъективным (мотивационным) смыслом. Среди феноменов, которые могут быть результатом мотивационного влияния, — интеллектуальная защита, сверхмотивация, забывание мотивационно насыщенного материала, аффективный характер мышления, познавательный и эмоциональный эгоцентризм, асимметрия каузальной атрибуции и т.д. Негативные эффекты может иметь как внешняя по отношению к мыслительной деятельности мотивация, так и внутренняя (Арестова, 2002, 2006а, б, 2007).

Эффекты негативного воздействия мотивации на интеллектуальные процессы чрезвычайно разнообразны по степени выраженности: от умеренной по выраженности активизации личностной защиты до полной деструкции осуществляемой деятельности. Мотивационное воздействие на мышление асимметрично по отношению к успешной и неуспешной по своим результатам деятельности. Негативные структурирующие эффекты мотивации проявляются как при успешном, так и при неуспешном развертывании мыслительной деятельности, однако в последнем случае их воздействие более существенно.

Полученные в ходе исследований данные обнаружили **феномен избирательного искажения** мыслительного процесса, достоверно связанный с актуальным для мыслящего субъекта личностным смыслом задачи (Арестова, 2006а, б; 2007). Этот смысл определяется «попаданием» решаемой задачи в поле актуального для человека мотивационно-смыслового конфликта. Обнаруженные искажения имеют явный аффективный характер и выражаются в «сдвиге» решения задачи в сторону в целом нехарактерного для данного субъекта уровня субъективности или конкретности полученного решения. Уровень понимания и решения субъектом конкретной задачи определяется не только общей зрелостью его мышления, но и смыслом конкретной задачи в общем контексте его мотивационно-личностной динамики.

Задачи, «попадающие» в зону актуального для субъекта смыслового конфликта, аффективно «втягиваются» в его динамику. Решение конкретной мыслительной задачи при этом в некоторой степени утрачивает объективно-понятийную основу и включается в обслуживание процесса возникновения, развития и разрешения

мотивационного конфликта. Сама задача при этом становится не «внешней» (если не объективной, то хотя бы объективированной данностью), а одним из «аргументов» в подтверждение или опровержение одной из составляющих мотивационного конфликта, выбора, переживаемого субъектом.

Актуальным при этом является вопрос о том, какие же функции выполняет мышление субъекта в ситуации острого мотивационного конфликта, когда основная, собственно познавательная функция мысли временно отходит на второй план. Результаты исследования показывают, что феномен избирательного искажения интеллектуальных процессов проявляется именно в зоне мотивационно-смыслового конфликта (Арестова, 2007). Возникающие при этом искажения носят не случайный характер, а зависят от актуальных для субъекта тенденций к разрешению мотивационного конфликта. Организация представлений, задействованных в протекании личностных конфликтов, характеризуется преобладанием «логики смыслов» над «логикой значений», они отражают не столько объективные характеристики понятий, сколько динамику конфликта и тенденции в его разрешении.

Полученные результаты согласуются с положением А.Н. Леонтьева (1971) о том, что переживаемая субъектом эмоция неизбежно ставит перед ним «задачу на смысл» и, следовательно, неизбежно возникающие при переживании мотивационного конфликта аффективные состояния более или менее эффективно осмысляются субъектом в ходе специально организованной интеллектуальной деятельности.

Наиболее полно этот момент отражается в представленной Д.А. Леонтьевым (1999) гипотезе о возможности сосуществования и взаимоперехода между двумя формами регуляции деятельности — внешне-предметной и субъективно-смысловой. Сущность смысловой регуляции состоит в согласовании целей и средств деятельности с мотивами и потребностями субъекта. Функция мысли, «обращенной» к смысловым структурам личности, более существенна: она состоит в понятийном оформлении смысловых структур, придании квазилогической формы малоосознанным, не знающим принципа несовместимого противоречия психическим системам. Эта функция имеет глубоко социальный характер и создает психологические предпосылки базового для развития человеческой личности процесса самопознания, личностной рефлексии, формирования разнообразных по уровню понятийной обобщенности структур самосознания. Именно придание смысловым структурам понятийного или пусть даже псевдопонятий-

ного строения открывает путь для осознанного самоотношения, управления не только собственными действиями, но и собственными мотивами.

Осознание функционального, а не разрушительного характера искажений понятийной структуры мысли в ситуации мотивационного конфликта позволит расширить представление об актуальном строении понятийных «полей» мышления конкретного субъекта. Это строение сложным образом зависит не только от стадии генетического становления собственно мыслительных, операциональных структур субъекта, но и отражает актуальное состояние и развитие его мотивационно-личностной сферы.

Выводы

1. Представление О.К. Тихомирова о структурирующей функции мотивации в мыслительной деятельности положило начало циклу экспериментальных работ, раскрывающих генетическую, структурную и функциональную взаимосвязь объективно детерминированных и смысловых подсистем мышления.

2. Экспериментальные исследования, проведенные в русле смысловой теории мышления О.К. Тихомирова, обнаружили взаимосвязь и взаимопереходы между различными видами детерминации процесса решения мыслительных задач. В зависимости от степени и характера связанности смысла задачи с актуальным состоянием мотивационных систем субъекта решение задачи может протекать по различным сценариям — объективно-познавательному или личностно-смысловому.

3. Признание глубокой взаимосвязи личностных и познавательных детерминант мыслительной деятельности не означает их отождествления. Они в значительной степени функционально не совпадают. При попадании смыслового поля задачи в зону актуального для субъекта мотивационно-смыслового конфликта познавательная (объективно детерминированная) функция мышления отходит на второй план.

4. Феномен избирательного искажения мыслительных процессов под воздействием актуального мотивационно-смыслового конфликта отражает переход мыслительной деятельности от выполнения познавательной функции к иной, субъектно ориентированной функции. Она состоит в понятийном оформлении, придании понятийного или квазипонятийного характера новым смысловым структурам, возникающим в ходе нарастания и разрешения мотивационно-смыслового противоречия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арестова О.Н.* Влияние мотивации на структуру целеполагания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1998. № 4.
- Арестова О.Н.* Мотивация и перспективное целеполагание в мыслительной деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1999. № 3.
- Арестова О.Н.* Мотивация как негативный фактор мышления // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2002.
- Арестова О.Н.* Аффективные искажения в понимании пословиц // Вопр. психол. 2006а. № 1.
- Арестова О.Н.* Психологические механизмы структурирующего влияния мотивации на мыслительную деятельность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2006б. № 3, 4.
- Арестова О.Н.* Диагностика мотивационного конфликта личности с помощью метода пиктограмм // Вопр. психол. 2007. № 2.
- Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Тихомиров О.К.* Компьютерный анализ мотивации мыслительной деятельности: возможности и ограничения // Вопр. психол. 1988. № 5.
- Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Специфика психологических методов в условиях использования компьютера. М., 1995.
- Арестова О.Н., Глухарева А.В.* Индивидуальные особенности поведения в ситуации хронического неуспеха при работе с компьютером // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. № 1.
- Арестова О.Н., Калинина Н.В.* Индивидуальные особенности функционирования защитных механизмов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2000. № 1.
- Березанская Н.Б.* Индивидуальные стили использования ЭВМ при решении творческих задач // Психологические проблемы автоматизации научно-исследовательских работ / Под ред. М.Г. Ярошевского, О.К. Тихомирова. М., 1987.
- Блейлер Э.* Аутистическое мышление // Общая психология: Тексты: В 3 т. Т. 3: Субъект познания. Кн. 1. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. В.В. Петухов. М., 2005.
- Богданова Т.Г.* Целеобразование при различной мотивации: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1978.
- Богоявленская Д.Б.* Пути к творчеству. М., 1981.
- Васильев И.А.* Мотивационно-эмоциональная регуляция мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1998.
- Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К.* Эмоции и мышление. М., 1980.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982.
- Гиппенрейтер Ю.Б., Петухов В.В.* Предисловие // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., 1981.
- Гурьева Л.П.* Умственная деятельность в условиях автоматизации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1973.
- Джемс У.* Научные основы психологии. СПб., 1902.
- Копина О.С.* Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности в условиях различной мотивации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1982.
- Леонтьев А.Н.* Мышление // Философская энциклопедия. Т. 3: Коммунизм—Наука. М., 1964.
- Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.

- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М., 1999.
- Майер Г.* Эмоциональное мышление // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. М., 1981.
- Матюшкин А.М.* Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М., 1972.
- Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М., 1994.
- Психологические механизмы целеобразования / Под ред. О.К. Тихомирова. М., 1977.
- Рибо Т.* Творческое воображение. СПб., 1901.
- Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
- Телегина Э.Д., Богданова Т.Г.* О влиянии значимости мотива на процесс решения мыслительных задач // *Вопр. психол.* 1980. № 1.
- Телегина Э.Д., Волкова Т.Г.* Мотивация и процессы целеобразования // Психологические механизмы целеобразования / Под ред. О.К. Тихомирова. М., 1977.
- Тихомиров О.К.* Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969.
- Тихомиров О.К.* Психология мышления. М., 1984.
- Тихомиров О.К., Бабаева Ю.Д., Березанская Н.Б., Васильев И.А., Войскунский А.Е.* Развитие деятельностного подхода в психологии мышления // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М., 1999.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: В 2 т. Т. 1. М., 1986.
- Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. Вып. 5. М., 1975.